

Зритель всегда прав

Непросто было добиться от Татьяны Догилевой согласия на этот разговор. Она твердила, что «учить не ее ума дело», она не теоретик, а только актриса. Но к кому же еще прислушиваться, как не к человеку театра, знающему его изнутри и душой болеющему за дело?

В последнее время я мало работаю в театре, мало работаю в кино и много работаю в так называемых частных антрепризах: в Театре Антона Чехова под руководством Леонида Трушкина и в Русской антрепризе Михаила Козакова. Многие актеры сейчас стали работать в антрепризах, и театр, как мне кажется, постепенно выходит из катастрофического положения, в которое он попал после перестройки. Тогда театру разрешили говорить обо всем, и на сцене стали показывать Сталина, непорядки в колхозах, всякие граждански звучащие пьесы, за что нас хвалили газеты. Конечно, те спектакли были нужные и важные, и у нас у самих заходило сердце от храбрости, когда мы произносили: «Коммунисты спиваются» в спектакле

«Говори». Но потом, когда уже все сказали, что Сталин плохой, Ленин плохой и коммунисты плохие, говорить стало нечего. Зрители это быстро поняли и перестали ходить в театры. Тогда встал вопрос: а могут ли наши режиссеры делать зрелище как таковое? И выяснилось, что их этому не учили, они могут только намекать, что «какая-то в державе датской гниль». И была чудовищная депрессия у многих артистов, в том числе и у меня, потому что казалось: все, наша профессия себя изжила, и наступила та самая смерть театра, которую ему предрекали. Но — театр выжил, без всяких директив сверху. Он стал видоизменяться и приспособливаться. Появились антрепризы — то, с чего, в принципе, театр начинался. И стало понятно, что театр может самостоятельно существовать без криков о помощи, потому что эти

антрепризы даже не особенно нуждаются в спонсорах. Театру помогли не правительство, не СТД. И не критики, которые считают себя умниками, а на самом деле вместо того, чтобы помогать театру, только гробили его — когда театр стал подниматься силою антреприз, они не стали этот опыт анализировать, а кричали: не искусство. Я тоже выросла на высоких идеалах, но когда стоит вопрос о выживаемости театра как такового, можно отойти от абстрактных рассуждений о «высоком искусстве», которое, кстати, у режиссеров сейчас не сильно-то и получается, никаких особых «взлетов духа» в противовес коммерческим спектаклям что-то не наблюдается. Я не говорю, что все театры должны полностью перестроить свои программы, но пусть кассовые спектакли принесут деньги и приведут в театр зрителей, а по-

том уже можно предложить им и «Палату № 6». Конечно, был такой спектакль, как, скажем, «Калигула» с Олегом Меньшиковым, который нравился зрителям, и критики были в восторге. Но, как правило, успех у зрителей и у критиков не увязать. Критики, по-моему, совершенно не переносят зрительский успех (не говорю об исключениях), они живут как-то в себе и для себя. Как они нажились на «Орестею» Петера Штайна и предрекли, что на третий спектакль зритель не придет! А мы сыграли около 40 спектаклей, и в Театре Армии были аншлаги, которых в этом огромном театре не было со времен Андрея Попова. Я сама не уверена, высидела ли бы семь часов Эсхила. А они — высидели. И мне еще будут говорить, что «нельзя потрафлять их низкому вкусу»! Каждый актер знает: зритель всегда прав, потому

что мы работаем для них. И если, к примеру, стране нравилось индийское кино, то надо было не смеяться над этим, а использовать такую жанровую форму в отечественном кино. Но нашим деятелям искусства проще обсуждать вопрос о закрытии театров в провинции, чем изучать опыт антреприз и учить провинциальные театры зарабатывать деньги. А ведь театры в провинции, может быть, единственный луч света, единственная отдушина для людей, которые не хотят вести образ жизни Шарикова. Пойти ему больше некуда.

Недавно мы были с «Невероятным сеансом» антрепризы Козакова в Алма-Ате. Спектакли шли при полном аншлаге, но артисты местного театра с гордостью говорили, что и у них все спектакли аншлаговые. Может, еще и потому, что театр — один из немногих оскол-

ков прежней страны. Сейчас самые именитые, самые прекрасные наши артисты ездят по городам с антрепризами, и зрители в провинции им страшно благодарны. И пусть мне потом критики сто раз повторят, что это плохой спектакль, я им все равно не поверю. Мне все равно, кому зал кричит «спасибо»: именам, пьесе, старой драматургии или новым тенденциям, но это — успех. Мне хочется, чтобы оставшиеся нынешние зрители приучили и своих детей к театру. Для этого необходимы детские спектакли, а их в стационарных театрах тоже не стало: Центральный детский театр стал Молодежным, ТЮЗ Генриетты Яновской тоже предпочитает взрослых зрителей, а вот частные антрепризы ставят спектакли для детей: Абдулов поставил «Бременских музыкантов» и катает их по стране, Трушкин тоже не забывает о детской аудитории. Театр — это живой самостоятельный организм. Артисты хотят выходить на сцену, а режиссеры — ставить спектакли: болезнь театром неизлечима, и заболевшие не позволяют театру погибнуть.

А все это я говорю, может быть, только для того, чтобы еще раз восхититься зрителями и высказать им свою невероятную благодарность за то, что они не отвернулись от театра.

Записала Наталья БОНДАРЕНКО